УДК: 327

Марк НЕЙМАРК

ЕВРОСОЮЗ В КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОБОСНОВАНИЯХ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Статья поступила в редакцию 25.02.2020

Аннотация. В статье проанализирована эволюция позиции России по отношению к Евросоюзу в её Концепции внешней политики в сопоставительном ракурсе пяти редакций этого важнейшего документа стратегического планирования государства: 1993, 2000, 2008, 2013 и 2016 гг. ЕС рассматривается как базовая составляющая европейского направления внешней политики России в контексте глубинных изменений на международной арене. Кризисное развитие современных мирополитических процессов актуализирует ресурсный потенциал и практические возможности долговременных партнёрских отношений и сотрудничества России и ЕС. В оценке перспектив конкурентного партнёрства между ними, исходно предполагающего сложности отнюдь не линейного взаимодействия, автор исходит из того, что в кардинально изменившихся условиях мирового развития объективная стратегическая потребность в партнёрстве с обеих сторон остаётся неизменной.

Ключевые слова: Россия, ЕС, европейская безопасность, мировое развитие, геополитика.

Евросоюз – одно из крупнейших в мире интеграционных объединений. С момента установления формализованных связей России и ЕС прошло четверть века. На протяжении этого периода колебания в их отношениях происходили в самом широком диапазоне: от приближения к прагматичному сотрудничеству до низшей точки санкционного замерзания.

К стратегическому партнёрству

В рамках первой доктринальной модели внешней политики России 1993 г. взаимодействию с ЕС уделялось особое внимание, учитывая сложнейшие объективные условия, в которых она разрабатывалась. Это кризис государственной субъектности, системная трансформация государственного строя, глубокий социально-

© **Неймарк Марк Афроимович** – д.и.н., профессор кафедры политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России. **Адрес:** Россия, Москва, ул. Остоженка 53/2, строение 1. **E-mail:** mark.neimark@mail.ru
DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope320202838>

экономический кризис. Ускоренное наложение и смешение противоречивых внутренних и внешних событийных рядов вызвало кризис адаптации к беспрецедентным изменениям внутри страны и на международной арене, вызванным распадом СССР. Не имеющий исторического прецедента стремительный формационный скачок от “реального социализма” к реальному капитализму предопределил ту поспешность, с которой была обозначена установка на одностороннюю стратегическую конвергенцию России с Западом.

Принятая в 1993 г. Концепция внешней политики РФ [Концепция внешней политики РФ, 1993] (далее К-93) по ряду базовых параметров имела выраженный американоцентричный характер. При этом подчеркнуто повышенное внимание уделялось в К-93 европейскому направлению внешней политики России. Оно выстраивалось с учетом взаимопереплетения двух тенденций – формирования тесной европейской общности, с одной стороны, и, с другой – появления новых вызовов, представлявших серьёзную угрозу стабильности на континенте и общей позитивной направленности развития европейского региона. Среди угроз – нарастание потенциала конфликтности, обострение этнополитических противоречий, трудности самого процесса западноевропейской интеграции, кризис федерализма, неопределённость формировавшегося нового баланса сил на континенте, усложнение задач общеевропейского строительства, отставание международно-правовых инструментов регулирования от динамики изменений в политическом контексте Европы.

В документе выражалось опасение, что эти факторы наряду с проблемами внутрироссийского развития чреваты взаимным отдалением России и Европы. Поэтому в нем подчеркивалась принципиальная важность выстраивания сбалансированных, ровных отношений со всеми европейскими государствами, поддержки позитивных процессов, работающих на единение Европы. Следовавшая вслед за этим специальная оговорка приобретала характер основной программной установки, которая формулировалась достаточно жестко: необходимо в максимальной степени держаться в стороне от противоречий между отдельными странами, не затрагивающих непосредственные интересы России.

Объяснялось это тем, что попытки играть на противоречиях в фундаментальных вопросах судеб Европы “могут оказаться контрпродуктивными и, ничего не дав нам в практическом плане, спровоцировать антироссийские настроения и тем самым осложнить продвижение интересов России в регионе”. Хотя, заметим, явно на случай непредвиденных изменений и подвижек в мировой политике и международных отношений, было зафиксировано, что наличие этих противоречий, тем не менее, может быть использовано в целях укрепления позиций России, но не против какой-либо из этих стран или их объединений.

Среди первоочередных шагов на западноевропейском направлении выделялось завершение переговоров по согласованию и заключению договора с Европейским сообществом о развитии отношений во всех сферах, включая политическую; формирование эффективного механизма сотрудничества; активное использование опыта европейского строительства в интересах становления СНГ.

В последующие годы в условиях все возрастающей глобальной и региональной интеграции и укрепления роли транснациональных институтов в активную фазу вступил процесс институционализации российской внешней политики. В 1992 г.

Россия стала членом Международного валютного фонда и Мирового банка, в 1996 г. присоединилась к Совету Европы, а в 1997 г. вступило в силу Соглашение о партнёрстве и сотрудничестве с Евросоюзом, заключенное тремя годами ранее.

Преемственность и развитие

В Концепции внешней политики РФ 2000 г. [Концепция внешней политики РФ, 2000] (далее К-2000) отношениям России с Евросоюзом придавалось ключевое значение. “Российская Федерация видит в ЕС одного из своих важнейших политических и экономических партнёров и будет стремиться к развитию с ним интенсивного, устойчивого и долгосрочного сотрудничества, лишённого конъюнктурных колебаний”. Процессы, происходящие в ЕС, рассматривались под углом зрения их растущего влияния на динамику ситуации в Европе. Имелись в виду проблемы расширения ЕС, перехода к единой валюте, институциональной реформы, становления общей внешней политики и политики в области безопасности, оборонной идентичности. “Рассматривая эти процессы как объективную составляющую европейского развития, Россия будет добиваться должного учета своих интересов, в том числе применительно к сфере двусторонних отношений с отдельными странами – членами ЕС”. Взвешенно-критически оценивалось состояние отношений Россия-ЕС в рамках соглашения от 24 июня 1994 г., которое “ещё не заработало в полную силу”. Вместе с тем К-2000 исходила из того, что конкретные проблемы, связанные прежде всего с адекватным учетом интересов российской стороны, будут решаться на основе одобренной в 1999 г. Стратегии развития отношений РФ с ЕС. Пристальное внимание уделялось формирующемуся военно-политическому измерению ЕС.

На новом старте

Мюнхенская речь В.В. Путина 2007 г. стала переломным моментом в эволюции внешнеполитической стратегии России, четким маркером, обозначившим новый этап развития страны. Эта речь *реально* предопределила суть и направленность изменений, внесенных в новую редакцию Концепции внешней политики РФ [Концепция внешней политики РФ, 2008] (далее К-2008).

Новая редакция Концепции заметно дополняла и существенно развивала положения К-2000. В документе дана взвешенная оценка эволюции международных отношений в начале XXI века, переосмыслены приоритеты российской внешней политики с учетом возросшей роли страны в мировых отношениях, повышения её ответственности за происходящее в мире. Это знаменовало обретение Россией качественно новых параметров её геополитического статуса – открывшихся в связи с этим возможностей участвовать не только в реализации международной повестки дня, но и в её формировании. Вектор стратегического разворота, зафиксированного в К-2008, определяла приоритетная задача – закрепиться в ряду ключевых глобальных игроков в рамках концепции полицентричного мира.

Главной целью российской внешней политики на европейском направлении было объявлено создание демократической системы общерегиональной коллективной безопасности и сотрудничества, обеспечивающей единство Евро-Атлантического региона – от Ванкувера до Владивостока. При этом было важно не

допустить новой фрагментации региона и воспроизводства прежних блоковых подходов к европейской архитектуре, сложившейся ещё в эпоху холодной войны.

В этой связи чрезмерно оптимистические, на наш взгляд, ожидания возлагались на заключение договора о европейской безопасности, разработку которого предлагалось начать на общеевропейском саммите. Болезненно-жесткая реакция коллективного Запада на мюнхенскую речь В.В. Путина 2007 г. наглядно показала пределы адаптационной гибкости политических элит европейских стран по отношению к российским внешнеполитическим инициативам.

Основу концептуально оформленного подхода России по отношению к ЕС определяла четко выраженная заинтересованность в его укреплении, развитии его способности выступать с согласованных позиций в торгово-экономических, гуманитарных, внешнеполитических областях и в сфере безопасности. Была поставлена задача всемерного развития механизмов взаимодействия, включая последовательное формирование общих пространств в сферах экономики, внешней и внутренней безопасности, образования, науки, культуры.

Эта целевая установка приобретала особое значение в связи с истечением срока действия в 2007 г. Соглашения о партнёрстве и сотрудничестве и необходимостью подписания нового аналогичного документа с ещё более перспективным наполнением. Тем самым предопределялась долговременная ставка на согласование с Евросоюзом договора о стратегическом партнёрстве. Он должен был установить “особые, максимально продвинутые формы равноправного и взаимовыгодного сотрудничества с ЕС во всех областях с перспективами выхода на безвизовый режим”.

Решение этих и других взаимосвязанных задач осложняли многие факторы. Прежде всего, это негативное воздействие на экономическое сотрудничество с Евросоюзом, которое оказали поспешные шаги и односторонние уступки России в 1990-е годы в надежде, что это позволит ей теснее интегрироваться с Западом, быстрее найти свое место в глобализирующемся мире. Так, острые разногласия возникли за год до окончания действия соглашения о сотрудничестве РФ-ЕС в связи с отказом российских властей ратифицировать подписанную в начале 1990-х гг. Энергетическую хартию: “Документ, прямо скажем, нарушающий основные экономические интересы России”. В нем наша страна брала на себя обязательство открыть свою газотранспортную систему для прокачки газа из третьих стран, “ничего, по существу, не получая взамен” [Россия в Европе, 2007].

Конкретизация “дорожной карты” взаимодействия

Новая редакция Концепции внешней политики РФ 2013 г. [Концепция внешней политики РФ, 2013] (далее К-2013) оптимизировала – в пределах объективных возможностей – внешнеполитическую доктрину России. Прорывных новаций в ней не появилось. Обновлена и адаптирована к изменившимся условиям система подвижных внешнеполитических координат. Внесены положения, которых не было, да и не могло быть, в предшествующее десятилетие.

Если в К-2008 слишком оптимистично и в конечном счете – ошибочно, как показали последующие события, говорилось о предпосылках становления более кризисоустойчивой международной системы, то в К-2013 оценочная оптика измени-

лась кардинально. Она отразила финансово-экономические вызовы на фоне накопления кризисных элементов в мировой экономике, нерешенность структурных проблем и затяжную депрессию в ведущих странах Запада. Как подчёркивалось в документе, многообразие и сложность международных проблем и кризисных ситуаций предполагают своевременную оценку приоритетности каждой из них во внешнеполитической деятельности страны. “Использование политико-дипломатических, правовых, военных, экономических, финансовых и иных инструментов при решении внешнеполитических задач должно быть *соразмерно* их реальному значению для обеспечения внешнеполитических интересов России” (курсив – авт.).

В обновлённой редакции Концепции особо подчёркивалось, что в условиях глобальной турбулентности, меняющегося военного соотношения сил между различными государствами и группами государств, растущей взаимозависимости стран и народов, единственно надёжной страховкой от возможных потрясений является соблюдение универсальных принципов равной и неделимой безопасности применительно к евроатлантическому, евроазиатскому и азиатско-тихоокеанскому пространствам.

Важные дополнения и уточнения были привнесены в раздел о Европе. Приоритетное значение придавалось развитию отношений с государствами Евро-Атлантического региона, с которыми Россию связывают, помимо географии, экономики и истории, “глубокие общецивилизационные корни”. Российская внешняя политика на евро-атлантическом направлении по-прежнему ориентировалась на формирование общего пространства мира, основанного на принципах неделимости безопасности, равноправного сотрудничества и взаимного доверия. Новый важнейший момент: Россия последовательно выступает за перевод в юридически обязательную форму политических деклараций о неделимости безопасности *вне зависимости от членства государств в каких-либо военно-политических союзах*.

Документ подчеркивал заинтересованность России в углублении сотрудничества с ЕС “как основным торгово-экономическим и важным внешнеполитическим партнёром”. Россия выступает за заключение с ЕС нового базового соглашения о стратегическом партнёрстве на принципах равноправия и взаимной выгоды. Это будет способствовать эффективной реализации совместной инициативы Россия-ЕС “Партнёрство для модернизации”, развитию взаимовыгодного энергетического сотрудничества в целях создания объединённого энергетического комплекса Европы на основе строгого соблюдения имеющихся двусторонних и многосторонних договорных обязательств.

Перспективной задачей стало построение единого рынка с ЕС. Учитывая значимую роль ЕС в международных делах, говорилось в К-2013, Россия настроена на поддержание интенсивного и взаимовыгодного политического диалога с ним по основным вопросам внешнеполитической повестки дня, на “дальнейшее развитие практического взаимодействия во внешне- и военно-политической сферах, создание соответствующих механизмов сотрудничества в области внешней политики и безопасности, с тем чтобы придать работе характер совместного принятия решений с их последующей совместной реализацией”.

Санкционные диссонансы ЕС

В обновленной Концепции внешней политики РФ, принятой в 2016 г. [Концепция внешней политики РФ, 2016] (далее К-2016), Евросоюз по-прежнему остался важным торгово-экономическим и внешнеполитическим партнёром нашей страны. Этому не помешали события на Украине, а, по сути, – их интернационализация, что стало сильнейшим раздражителем в отношениях ЕС с Россией. В марте 2014 г. на внеочередном саммите ЕС в связи с ситуацией на Украине было принято решение о приостановке и без того затяжных многолетних переговоров о заключении Нового базового соглашения взамен Соглашения о партнёрстве и сотрудничестве 1994 г., которое вступило в силу в 1997 г.

Стратегической задачей в отношениях с ЕС, согласно К-2016, является формирование общего экономического и гуманитарного пространства от Атлантики до Тихого океана на основе гармонизации и сопряжения процессов европейской и евразийской интеграции. Это позволит не допустить появления разделительных линий на европейском континенте.

Более того, Россия настроена на поддержание интенсивного и взаимовыгодного диалога с ЕС “по основным вопросам внешнеполитической повестки дня, а также на дальнейшее развитие практического взаимодействия во внешнеполитической и военно-политической сферах”.

На фоне этих сугубо позитивных и конструктивных установок контрастно выделяется оценочная позиция в другом пункте К-2016, уравнивающая ЕС и НАТО и по сути, и по функциональному предназначению, и по форме. Накопившиеся в течение последней четверти века системные проблемы в Евро-Атлантическом регионе объяснены геополитической экспансией НАТО и ЕС, которая привела к серьёзному кризису в отношениях между Россией и государствами Запада. Так в жёсткой концептуально-политической сцепке в равновесных оценочных величинах оказались Евросоюз и НАТО.

Прямое отождествление ЕС и НАТО в таком контексте вызвано явным опасением за геополитические последствия создания общей европейской армии в ущерб обеспечению национальной безопасности России [Журкин и Носов, 2019; Яковлев, 2019]. Между тем авторитетные профильные эксперты, рассматривая упрочение военно-политического потенциала Европы, её стремление обеспечить стратегическую самостоятельность в вопросах оборонной политики как объективное требование времени, обоснованно считают, что «её интересам, как и интересам незападных центров силы, больше отвечает развитие ЕС по пути Европейского оборонного союза, основанного на принципе стратегической автономии, нежели в качестве “европейской опоры НАТО”» [Громыко, 2019: 6]. Конкретизация этой оценочной позиции под углом зрения российских интересов приводит к прогнозному выводу: “Структурное противостояние России с Альянсом на обозримое будущее гарантировано, что далеко не очевидно в области отношений с ЕС. Для других крупных субъектов мировой политики вне “коллективного Запада” усиление НАТО за счёт европейцев – малопривлекательная опция. США, которые по традиции доминируют в Альянсе, не воспринимаются как стабилизирующая сила в международных отношениях. Евросоюз, напротив, обладает репутацией более предсказуемого, миролюбивого и последовательного в своих действиях игрока” [Громыко, 2019: 13].

И ещё один важный аргумент, который придает аналитическую глубину этим экспертным оценкам. Если для консолидации НАТО “российская угроза” вновь стала основным мотивом, то резоны создания оборонного объединения Евросоюза совсем иной природы. Здесь главным стимулом стали два геополитических шока, которые испытал ЕС: первый – брекзит, второй – глубокие изменения в отношениях с США. “Именно эти факторы заставили (и в какой-то степени развязали руки) поборников стратегической автономии не только в очередной раз в истории интеграции задуматься о её военном измерении, но и приступить к конкретным действиям” [Громыко, 2019: 19].

В контексте стратегических перспектив обеспечения европейской безопасности проблемные узлы межгосударственных отношений в геополитическом треугольнике ЕС-НАТО-Россия рассматривает Д.А. Данилов. Он описал особенности институциональной асимметрии в НАТО и ЕС, которая приводит к столкновению конфликтных интересов евроатлантических партнёров и союзников, поскольку они по-разному видят национальные приоритеты по шкале “сдерживание-диалог” с Россией. С учётом того, что Европа все в большей мере осознает нарастающие риски, с одной стороны, и свои ограниченные возможности влиять на современную американскую политику в рамках обеспечения стратегической стабильности, с другой, Д.А. Данилов приходит к обоснованному выводу, что такая стратегическая неопределенность дает, как ни парадоксально, определенные шансы для попыток формулировать и отстаивать свое видение и свою повестку дня и предлагать их западным партнёрам. “Вне зависимости от того, как мы воспринимаем сегодняшнюю ситуацию – “холодная война” или “не холодная война”, кризис доверия или его полная утрата и т.д., ошибкой было бы видеть в наших европейских партнёрах противников. Подобное видение как раз загоняло бы Европу в тупик конфронтации” [Данилов, 2019: 70].

Внутри Евросоюза срабатывает принцип интеграционной солидарности, в значительной степени гасящий амплитуду растущих антиамериканских настроений. Однако приведенные выше оценочные позиции отражают серьёзные изменения, происходящие в умонастроениях политических элит стран-членов ЕС. Так, выступая по случаю начала года Германии в США (2018 г.), министр иностранных дел ФРГ Х. Маас прямо заявил о необходимости пересмотреть внешнеполитическую стратегию ФРГ по отношению к США и НАТО: “Уже давно пришло время переоценить трансатлантическое партнёрство: трезво, критично, и даже самокритично”. Призвав заключить с Вашингтоном новое “сбалансированное партнёрство”, он подчеркнул в статье в газете «Handelsblatt» роль объединенной Европы как “основы международного порядка и партнёра для всех, кто привержен этому порядку”. ЕС должен повысить расходы на оборону и последовательно создавать Европейский союз безопасности и обороны как часть трансатлантического порядка и как собственный европейский проект. “Мы чётко говорим Вашингтону: мы хотим работать вместе, но мы не позволим вам действовать поверх наших голов” [Россия и мир: 2019, 2018].

Французский президент Э. Макрон в интервью телеканалу TF1 15 ноября 2018 г. в ответ на критическую реакцию Д. Трампа на его инициативу по ускорению создания общеевропейской армии заявил: “США наш союзник, такова история наших отношений, и мы всегда останемся союзниками. Мы были вместе, когда нам

было тяжело, мы были вместе в самые сложные моменты истории. Но быть союзником не означает принимать положение вассала. Чтобы не быть вассалом США, нужно не зависеть от Америки в ряде позиций, а сохранять суверенность и идентичность как французам и как европейцам” [Макрон-Трампу, 2018].

Более жёстко Э. Макрон высказался в интервью британскому журналу “The Economist” в ноябре 2019 г. Он констатировал полное отсутствие координации принятия стратегических решений между США и союзниками по альянсу: “То, что мы переживаем сегодня – это паралич мозга НАТО”. Он подтвердил свою позицию, ориентированную на наращивание собственных оборонных возможностей интегрированной Европы, – иначе страны ЕС “больше не смогут контролировать собственную судьбу” [A continent in peril, 2019: 9]. Ранее французский лидер заявлял, хотя и с оговорками, что у Европы есть возможность расширить стратегический диалог с Москвой, не отступая от своих ценностей и сохраняя влияние, объясняя это тем, что Россия – важный сосед Европы и её потенциальный партнёр в сфере безопасности.

В.В. Путин высказался на этот счёт со всей определённостью. В ходе мероприятий, посвящённых 100-летию Первой мировой войны, в интервью RT France он назвал понятным и естественным желание ЕС обеспечивать безопасность собственными силами. Так он отреагировал на инициативу Э. Макрона, предлагавшего активизировать работу по созданию общей армии Евросоюза, что вызвало болезненную реакцию и резкую критику со стороны Д. Трампа. Президент США в жёсткой форме потребовал от европейцев увеличить финансовую подпитку НАТО, а не думать о создании единой европейской армии. “В принципе Европа – мощное экономическое образование, мощный экономический союз, и в целом это вполне естественно, что они хотят быть независимыми, самостоятельными, суверенными в этой сфере”, подчеркнул В.В. Путин. По его мнению, создание единых европейских вооружённых сил приведёт к укреплению многополярности в мире [Интервью Владимира Путина, 2018]. Выступая в Китае в конце апреля 2019 г. на Международном форуме “Один пояс – один путь”, В.В. Путин подчеркнул главное: “Никакие текущие разногласия не могут перечеркнуть нашу общую ответственность за будущее Европы и всей Евразии” [Международный форум “Один пояс, один путь”, 2018].

Новые тенденции в развитии отношений между США и ЕС, НАТО и ЕС, обогатившиеся за последние два года, требуют более тонкого подхода к концептуальному уравниванию НАТО и ЕС в военно-политическом контексте, о котором говорилось выше. Сегодня оно не отражает в адекватной мере нынешнее состояние беспрецедентно усложнённых трансатлантических связей и взаимодействий. Появление проблемного понятия “Westlessness” (беззападность), ставшего ключевой темой на Мюнхенской конференции по безопасности-2020, красноречиво свидетельствует о размывании прежней целостной значимости Запада в глобальном мире.

Нужно учитывать санкционную специфику действий Евросоюза. По решению нового председателя Европейской комиссии Урсулы фон дер Ляйен, существенная часть санкционных функций ЕС переходит от Верховного представителя ЕС по иностранным делам и безопасности к генеральному директору по финансовой стабильности, финансовым услугам и союзу рынков капитала. Его компетенция расширяется за счёт руководства деятельностью структурного подразделения, ранее входившего в состав внешнеполитической службы. Тем самым санкции все больше концентрируются в финансовой сфере ЕС. Главная цель – обеспечение экономиче-

ского суверенитета ЕС, учитывающее экстерриториальные санкции третьих стран, прежде всего США. На Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2020 г. президент Германии Ф.-В. Штайнмайер призвал “разработать европейскую политику по отношению к России, которая не ограничивается одними только осуждающими заявлениями и санкциями”. По его мнению, Европа не должна мириться со всё большим отчуждением России. “Мы нуждаемся в других, лучших отношениях ЕС с Россией и России с ЕС” [Opening Statement by Frank-Walter Steinmeier, 2020].

Перспективы отношений

В мировой политике происходит накопление конфликтогенных факторов, появляются противоречивые тенденции и контртенденции в развитии глобализации. Рецессия может перерасти в мировой экономический кризис с геополитическими последствиями вследствие смертоносной пандемии коронавируса. Все это ставит вопрос о необходимости обновления, уточнения или корректировки отдельных положений ныне действующей Концепции внешней политики России, касающихся в том числе её европейского направления.

Пандемия COVID-19 в обостренной форме обнажила кризис европейской солидарности, новые противоречия и обиды из-за пассивности руководящих органов ЕС. Она усугубила былые подспудные напряжения и противостояния внутри интегрированной Европы. Прогнозный учёт долгосрочных рисков и угроз, возникших в ЕС в результате пандемии, которая выявила все слабости и проблемы его функционирования, должен найти адекватное отражение в обновленной редакции Концепции. Предстоит определить, как, когда и в какой степени Евросоюз сможет (и сможет ли) преодолеть кризис адаптации к новым реалиям и как это может отразиться на взаимоотношениях с Россией.

Политическая и экономическая “рентабельность” растущей разобщенности внутри ЕС для России отнюдь не очевидна. До сих пор продвигаемая в отдельных странах ЕС идея об отмене базового принципа – консенсусного принятия решений – остаётся предположением и не больше. Не будем обольщаться: с учётом антироссийского санкционного принципа ЕС перелома в отношениях с Россией в обозримой перспективе ожидать не приходится. В этих условиях вынужденно приоритетом России является концепция малых шагов, постепенное продвижение к “мини-обновлению” взаимоотношений. Соответственно формат двусторонних связей России с отдельными странами ЕС приобретает особую значимость и весомость. Причём, как неоднократно подчеркивалось российской дипломатией, без умысла нанести ущерб интегрированной Европе в целом.

В отношениях России с ЕС может возобладать только прагматически взвешенный, реалистический подход, исходно предостерегающий от завышенных ожиданий и предполагающий максимально возможный учёт интересов обеих сторон. Отсюда важность точечного определения в дальнейшем развитии отношений степени подвижности самой шкалы “притяжение – противостояние”, “столкновение интересов – партнёрское взаимодействие”.

Имеет смысл акцентировать внимание в новой редакции Концепции внешней политики России на готовности к совместным с ЕС поискам взаимоприемлемых компромиссов. В отдельных случаях они стали бы возможными за счёт обнуления

взаимных претензий. Иначе сколько-нибудь значимого продвижения к заинтересованному сотрудничеству ожидать не приходится. Не говоря уже о том, что возобновление полномасштабного институционального взаимодействия останется лишь отдаленной мерцающей перспективой. Гуманитарная помощь России Италии в ходе пандемии, готовность оказать её другим европейским странам, несмотря на отдельные вполне ожидаемые предвзятые оценки, способствуют созданию более благоприятного фона для развития отношений с новым руководством ЕС. В рамках заявленной ЕС возможности и необходимости “избирательного взаимодействия” с Россией особую значимость приобретают вопросы обеспечения международной и европейской безопасности. При этом, разумеется, многое будет зависеть от динамики отношений в геополитическом треугольнике США – Россия – Евросоюз.

Список литературы

- Громько Ал. (2019), Дилеммы Европейского оборонного союза, *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, №2, с. 6–28.
- Данилов Д. (2019), Россия-ЕС-НАТО: выбор рациональной стратегии, *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*, №3, с. 69–75.
- Довлатов С. (1993), *Собрание сочинений в 3-х томах*, Том III, С.-Петербург, “Лимбус-Пресс”, 382 с.
- Журкин В., Носов М. (2019), 20-летие военного измерения ЕС, *Современная Европа*, №1, с. 5–13.
- Интервью Владимира Путина телеканалу RT. Прямая трансляция (2018), *РИА-новости*, 11 ноября 2018, URL: <https://ria.ru/20181111/1532562384.html> (дата обращения: 28.08.2019).
- Концепция внешней политики Российской Федерации (1993), *Дипломатический вестник*, Январь 1993, Специальный выпуск.
- Концепция внешней политики Российской Федерации (2000), *Независимая газета*, 11 июля 2000, URL: http://www.ng.ru/world/2000-07-11/1_concept.html (дата обращения: 28.08.2019).
- Концепция внешней политики Российской Федерации, Утверждена 12.07.2008. № ПР-1440 (2008), *Президент России*, 15 июля 2008, URL: <http://kremlin.ru/acts/news/785> (дата обращения: 28.08.2019).
- Концепция внешней политики Российской Федерации, Утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г. (2013), *Министерство иностранных дел Российской Федерации*, 18 февраля 2013, URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkV6BZ29/content/id/122186 (дата обращения: 28.08.2019).
- Концепция внешней политики Российской Федерации, Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 г., №640 (2016), *Президент России*, 30 ноября 2016, URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41451> (дата обращения: 29.08.2019).
- Макрон – Трамп: “Франция США не вассал, а союзник” (2018), *Euronews*, 15 ноября 2018, URL: <https://ru.euronews.com/2018/11/15/macron-responds> (дата обращения: 14.06.2019).
- Международный форум “Один пояс, один путь” (2019), *Президент России*, 26 апреля 2019, URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/60378> (дата обращения: 28.08.2019).
- Россия в Европе. Как нас воспринимают в Европе и евроатлантическом сообществе* (2007), Доклады Института Европы РАН №184, М., 153 с.
- Россия и мир: 2019. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз* (2018), Рук. проекта – А.А. Дынкин, В.Г. Барановский, М., ИМЭМО РАН, 170 с.
- Яковлев П. (2019), Макрон и европейская армия: геополитический контекст и международная реакция, *Доклад Института Европы РАН №362 – 2019 год. Свет и тени “эры Макрона”*, Отв. ред. В.Я. Швейцер, URL: <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/doklad/362.pdf> (дата обращения: 28.08.2019).

References

- A continent in peril, *The Economist. UK Edition*, November 9th-15th, 2019, p. 9.
- Danilov D. (2019) Rossiya-ES-NATO: vybor racional'noj strategii, *Nauchno-analiticheskij vestnik Instituta Evropy RAN*, №3, pp. 69–75.
- Dovlatov S. (1993), *Sobranie sochinenij v 3-h tomah*, Tom III, S.-Peterburg, “Limbus-Press”, 382 p.
- Koncepciya vneshnej politiki Rossijskoj Federacii (1993), *Diplomaticeskij vestnik*, Yanvar' 1993, Special'nyj vypusk.

Koncepciya vneshnej politiki Rossijskoj Federacii (2000), Nezavisimaya gazeta, 11 iyulya 2000, URL: http://www.ng.ru/world/2000-07-11/1/_concept.html (data obrashcheniya: 28.08.2019).

Koncepciya vneshnej politiki Rossijskoj Federacii, Utverzhdena 12.07.2008. № PR-1440 (2008), Prezident Rossii, 15 iyulya 2008, URL: <http://kremlin.ru/acts/news/785> (data obrashcheniya: 28.08.2019).

Koncepciya vneshnej politiki Rossijskoj Federacii, Utverzhdena Prezidentom Rossijskoj Federacii V.V. Putiny 12 fevralya 2013 g. (2013), Ministerstvo inostrannyh del Rossijskoj Federacii, 18 fevralya 2013, URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCk6BZ29/content/id/122186 (data obrashcheniya: 28.08.2019).

Koncepciya vneshnej politiki Rossijskoj Federacii, Utverzhdena Ukazom Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 30 noyabrya 2016 g., №640 (2016), Prezident Rossii, 30 noyabrya 2016, URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41451> (data obrashcheniya: 29.08.2019).

Gromyko A.I. (2019) Dilemmy Evropejskogo oboronno go soyuza, *Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo*, №2, pp. 6–28.

Mezhdunarodnyj forum “Odin poyas, odin put” (2019), Prezident Rossii, 26 aprelya 2019, URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/60378> (data obrashcheniya: 28.08.2019).

Makron – Trampu: “Franciya SSHA ne vassal, a soyuznik” (2018), Euronews, 15 noyabrya 2018, URL: <https://ru.euronews.com/2018/11/15/macron-responds> (data obrashcheniya: 14.06.2019).

Opening Statement by Frank-Walter Steinmeier, *Munich Security Conference*, February 14th, 2020, available at: <https://securityconference.org/en/medialibrary/asset/opening-statement-by-frank-walter-steinmeier-20200214-1515/> (Accessed 19 February 2020).

Rossiya i mir: 2019. *Ekonomika i vneshnyaya politika. Ezhegodnyj prognoz* (2018), Ruk. proekta A.A. Dynkin, V.G. Baranovskij, M., IMEMO RAN, 170 c.

Rossiya v Evrope. *Kak nas vosprinimayut v Evrope i evroatlanticheskom soobshchestve* (2007), Doklady Instituta Evropy RAN №184, M., 153 c.

Interv'yu Vladimira Putina telekanalu RT. Pryamaya translyaciya (2018), RIA-novosti, 11 noyabrya 2018, URL: <https://ria.ru/20181111/1532562384.html> (data obrashcheniya: 28.08.2019).

Yakovlev P. (2019), Makron i evropejskaya armiya: geopoliticheskij kontekst i mezhdunarodnaya reakciya, Doklad Instituta Evropy RAN №362 – 2019 god. Svet i teni “ery Makrona”, Otv. red. V.YA. Shvejcer, URL: <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/doklad/362.pdf> (data obrashcheniya: 28.08.2019).

Zhurkin V., Nosov M. (2019), 20-letie voennogo izmereniya ES, *Sovremennaya Evropa*, №1, s. 5–13.

The European Union in Concepts of Russia's Foreign Policy

Received 25.02.2020

Author: Neimark M., Doctor of Science (History), Professor of the Department of Political Science and Political Philosophy Diplomatic Academy of the Ministry of the Foreign Affairs of the Russian Federation. **Address:** 53/2, build. 1, Ostozhenka str., Moscow, Russia. **E-mail:** mark.neimark@mail.ru SPIN-code: 2491-0280

Abstract. The article explores the evolution of Moscow's approaches to the European Union formulated in the Foreign Policy Concept using a comparative analysis of all five editions of this most important strategic document of Russia: 1993, 2000, 2008, 2013 and 2016. The EU is considered as the basic component of the European direction of Russia's foreign policy in the context of profound changes in the international arena, which in a concentrated form reflect the complex dialectics of the interconnection between the old and the new, the conjugation of national, regional and global in world politics. The crisis elements in world political processes extremely actualize the resource potential and possibilities of long-term partnership and cooperation between Russia and the EU. Assessing the prospects of a competitive partnership and exploring the complexity of interaction, the author concludes that in the radically changed environment the demand for strategic partnership on both sides remains unchanged.

Key words: Russia, EU, European security, world development, geopolitics.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope320202838>